

Варава Владимир Владимирович
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва
vladimir_varava@list.ru

**Тропами Николая Федорова,
или рождение интегральной танатологии в России**

В статье рассматриваются философские построения Н.Ф. Федорова с точки зрения принадлежности их к танатологии. Уместно или неуместно употреблять данный термин применительно к «философии общего дела»? В статье дается положительный ответ на этот вопрос. Несмотря на то, что сам философ не употреблял данный термин применительно к своим взглядам, главные параметры его учения, такие как постановка вопроса о смерти в центр всей философии и возможность исследовать смерть, изучив ее механизмы, вписываются в дисциплинарные рамки танатологии.

Ключевые слова: танатология, философия общего дела Федорова, русская философия, теургия, русский космизм, нравственность, иммортология.

Varava Vladimir Vladimirovich
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
vladimir_varava@list.ru

**The paths of Nikolai Fedorov,
or the birth of integral thanatology in Russia**

The article considers the philosophical constructions by N.F. Fedorov from the point of view of their belonging to thanatology. Is it appropriate or inappropriate to use this term in relation to the «philosophy of the common work»? The article gives a positive answer to this question. Despite the fact that the philosopher himself did not use this term in relation to his views, the main parameters of his teaching, such as raising the issue of death to the center of all philosophy and the ability to study death, having studied its mechanisms, fit into the disciplinary framework of thanatology.

Key words: thanatology, philosophy of the common work of Fedorov, Russian philosophy, theurgy, Russian cosmism, morality, immortology.

Кто такой Н.Ф. Федоров? Это вопрос правомерен и сейчас, несмотря на то, что имя философа уже как несколько десятилетий возвращено в русскую культуру благодаря подвижнической работе Светланы Григорьевны Семеновской и ее соратников и последователей. Организованные ею «Федоровские чтения» – важнейшая составляющая современного философского процесса, органично сочетающая преданность корневым началам русской философии и устремленность к новым горизонтам человеческих свершений. Сегодня имя Николая Федорова введено в научный и культурный оборот, его произведения переводятся на многие языки, и в целом интерес к его взглядам постоянно возрастает.

Однако, как ни странно и парадоксально, ответить на этот вопрос о Федорове, о его истинном значении и месте в русской философской и духовной культуре не просто. Оригинальная и дерзновенная мысль этого человека была настолько глубока и высока одновременно, настолько не вписывалась в каноны существующих областей культуры, что для него возможно еще нет особой сферы, в которой он мог бы уместиться. Федоров даже и в космизм полностью не вписывается, несмотря на то, что он является его родоначальником. Федоров сам собой, фактом своего бытия создает собственное направление мысли и духа, которое можно просто назвать федоровским. Важно и не случайно, что Федоров принадлежит к русской традиции, которая, по мнению некоторых исследователей, в нем как раз наиболее полно и органично воплотилась.

Но несмотря на принадлежность к традиции, Федоров в ней ни на кого и ни на что не похож. И несмотря на его очевидную близость и к христианскому вероучению, и к науке, и к философии, и к педагогике, и к музейному делу, он всегда выходит за границы этих областей человеческой деятельности. Вносит в них весомый вклад, но всегда выходит за границы. Если попытаться обзреть учение Федорова в целом, то оно как бы «ничейная земля». Действительно, для философии он слишком научен и религиозен; для науки – слишком религиозен и утопичен, а для религии слишком научен и еретичен. Но это для наличного состояния этих институтов культуры, для того состояния, о котором сам Федоров всегда употреблял понятие «несовершеннолетие».

Далеко не случайно, что эпитет «утопист» применительно к его системе взглядов встречается достаточно часто на страницах учебных и справочных изданий. Термин «утопия» – это удобная ширма, за которую можно спрятать свое непонимание и недоумение одновременно относительно учения Федорова. С одной стороны, явный «бред» и «сумасшествие», что очень часто можно услышать в адрес его идей, а с другой, такая высокая оценка и признание корифеев русской мысли XIX века – В. Соловьева, Ф. Достоевского и Л. Толстого. Неужели они

ничего не понимали, эти явные титаны духа, прославившие русскую культуру во всем мире?

Конечно, причина недоумения и непонимания коренится в главном предмете его внимания, который даже и не «предмет» в специальном смысле, а забота и боль. Это смерть и смертность, и вся потрясающая воображение конструкция по спасению человека и человечества от этого главного недуга. Безусловно, это утопия. А что не утопия? Любой проект, идея, хотя бы немного возвышающаяся над эмпирическим покровом жизни есть уже утопия, поскольку это слово и означает место, которого нет. Нет, но должно быть. И в самой глубине сознание человека утопично, то есть проективно, так как оно стремится к осуществлению того, чего нет, чего еще нет. И такова суть творчества, также неотъемлемого атрибута человеческого бытия, сознания и культуры. Творчество – это создание ранее не бывшего, поэтому оно тоже утопично, по крайней мере в начале, у истоков творчество замысла.

Только обыденное, прагматичное, трезвое и рассудительное мышление, нацеленное на потребление и достаток, а сегодня – на успех и карьеру, - только такое мышление не утопично, но оно и не творческое. Оно ограничено горизонтом лишь видимого и осязаемого в самом простейшем смысле, и это полагает счастьем. Оно не дерзает ставить великие цели и задачи и стремиться к их осуществлению. «Здесь и сейчас» – кредо такого мышления, которое все же не такое уж счастливое, так как поражено неприятным недугом – «ноогенным неврозом», связанным с утратой смысла на фоне страха смерти. Известный экзистенциальный психотерапевт И. Ялом, анализируя клинические данные, приходит к выводу, что синдром бессмысленности очень частое явление. По его словам, уже Виктор Франкл – основатель логотерапии, утверждал, что кризис бессмысленности или «экзистенциальный кризис» наблюдается «у более чем 50 процентов его пациентов в венской больнице» [1, с. 471].

Современная ситуация очевидно ухудшилась в сторону разрастания экзистенциального кризиса и его «омолаживания». Парадоксальным образом изгнанная из ценностного горизонта и внешней жизни современного человека смерть возвращается к нему в самую сокровенную внутреннюю обитель его души, и разлагает ее раковой опухолью страха и тревоги. Это говорит лишь об одном: проигнорированная смерть, вычеркнутая из орбиты повседневной жизни, дает о себе знать радикальным ухудшением «качества» этой жизни.

Западная философская мысль XX века, особенно в ее экзистенциальном русле, всерьез заговорила о смерти как о факторе смысла жизни. Психотерапия, опираясь на философию, разработала свою методологию помощи людям, страдающим катастрофической нехваткой смысла. Во вто-

рой половине столетия появляется танатология сначала как отрасль, а затем уже и как индустрия, направленная на разрешение вопросов, связанных с психологическим состоянием человека, столкнувшего со смертью.

Когда говорят о Федорове, то упускают один существенный момент. При всем его многотемье, смерть – в центре философских построений, идей и проектов Федорова, и не просто смерть, а особое гипер-внимание к вопросу о смерти. Так или иначе, это **танатологический дискурс**, появившийся в русской философии задолго до того, как он появился в западной, с которой всегда принято сравнивать отечественную.

Для более тонкого и адекватного понимания отношения Федорова к смерти следует все его учение разделить по крайней мере на две части. Первое – это нравственный акцент на факте смертности как источнике зла и бед, привлечение к нему внимания, негодование по поводу игнорирования смерти со стороны представителей науки, духовенства и культуры. Это, по сути, теоретический аспект, который так не любил Федоров, но именно здесь он мало расходится со всей предшествующей моралистической линией философии, которая проповедовала *momento mori*, и критиковала людскую небрежность по отношению к своему духовному и нравственному состоянию.

Существенное расхождение Федорова со всеми остальными, в том числе и с философскими традициями заключаются во второй, практической части его учения, связанной с конкретными мерами по воскрешению умерших предков. И как раз в большей степени о Федорове судят именно по второй части, и уже не просто судят, и гневно осуждают, совершенно пренебрегая первой, с нашей точки зрения самой значительной и важной.

Для характеристики его воззрений, если придерживаться дисциплинарной строгости, конечно подходит термин «танатология» с такими определениями как нравственная, а точнее «интегральная», поскольку интегральная включает обе части его учения, в то время как нравственная охватывает только первую. Если танатологию понимать буквально как изучение смерти, то Федоровское учение как никакое соответствует этому. Главное здесь то, что он не считал смерть тайной, и поэтому полагал возможным ее изучение и на этом основании устранение как радикальной природной и человеческой порчи.

Философия, в центре внимания которой, начиная с Платона, всегда была смерть, как раз антитанатологична, поскольку данный предмет считает непостижимым. Достаточно полно такую апофатическую точку зрения на природу смерти и человеческие возможности ее познания высказал В. Янкелевич в своей известной работе «Смерть». В том числе здесь есть такое рассуждение: «За неимением полного сверхсознания только наше полу-знание предохраняет нашу полу-силу. Но это только полу-знание.

Человек знает, что он умрет, но ему не дано объяснить, почему и как он должен исчезнуть; он мыслит и представляет смерть, но не понимает ее, т. е. никогда не оценивает во всех аспектах и сразу: как бы он ни углублялся в танатологию, как бы далеко ни простиралась его мысль, всегда остается неучтенное измерение; всегда дает о себе знать тайна по ту сторону проблемы: непроницаемое а priori уже опередило мышление» [2, с. 412].

В отличии от всей предшествующей философии, которая в большей степени считала смерть непостижимой, Федоров, находясь в оппозиции всей традиции философской мысли, не видел в смерти как, впрочем, и во всем остальном никакой непостижимости, никакой сокрытости, никакой тайны. Смерть для него была также открыта, понятна и прозрачна, как и остальные явления жизни, как сама жизнь. Он полагал, что природа до такой степени может быть познана, что возможна регуляция ее бессознательных и стихийных проявлений. Конечно, это своего рода рационалистическая претензия, но важно его мироощущение, которое позволяет его взгляды трактовать в терминах танатологии.

Сам Федоров не употреблял термин «танатология». Первенство в его употреблении принадлежит И.И. Мечникову, который в «Этюдах оптимизма» писал: «У нас нет намерения представить читателю законченное учение о естественной смерти. Эта глава танатологии (учение о смерти) только начинает развиваться. Но уже можно предвидеть, что изучение явлений естественной смерти у растений, животных и человека откроет в высшей степени интересные данные для науки и человечества» [3, с. 117]. Это абсолютно биологизаторское представление о смерти, не видящее качественного различия между человеком и животным. Однако, сам термин появляется именно здесь.

Разница между Мечниковым и Федоровым колоссальна; первый говорит о закономерности смерти, второй о ее беззаконии; первый считает ее естественным окончанием жизни, второй недолжным злом; первый добивается принятия человеком спокойного умирания в старости (ортобиоз), второй поднимает все человечество на борьбу со смертью. И вообще Мечников мыслит танатологию в аксиологически нейтральных терминах, исключительно позитивистски, в то время как вся «философия общего дела» Федорова ценностно ориентирована. И это только на поверхности.

Но то, что их объединяет, является, пожалуй, более важным, чем то, что их разделяет. Это пристальное внимание к феномену смерти; каждый со своих мировоззренческих позиций подходит к этому, но оба подходят к одному и тому же. И оба были уверены, что знают, что такое смерть. И нужно сказать, что проекции их нетривиального и нетипичного для своего времени внимания к человеческой конечности были значительны. Мечников – один из основоположников эволюционной эмбриологии, ос-

нователь научной геронтологии; Федоров – основоположник космизма, и через него космонавтики, теоретик иммортализма, чьи идеи в этой сфере очень востребованы сейчас.

Вообще, такое заостренно-болезненное внимание к смерти для христианской (православной) культуры необычно. Федоров так ставит вопрос, как будто до него никто не прикасался к этой теме. Это, конечно, не так. Само христианство в своей метафизической сущности эсхатологично; здесь речь идет о «последних вещах»: о преодолении смерти и воскрешении из мертвых. В этом контексте можно сказать о том, что учение Федорова абсолютно противно духу христианства. Об этом говорили, особенно Г. Флоровский. Но правильнее будет все же говорить не о соответствии или несоответствии учения Федорова христианству, но о серьезном кризисе христианства, или точнее – христианской культуры, которая низвела вопрос о смерти до уровня обыденности, совершенно изъяв из него всю боль и остроту.

Федоров как критик такого пассивного исторического христианства является весьма показательной фигурой. И при всем невероятном несхождении с Фридрихом Ницше, которому он посвятил не одну страницу гневных обличений, в главном они все же сходны: в констатации духовной гибели исторического христианства, которое так и не выполнило свою миссию. У одного это было выражено с помощью метафоры о «смерти Бога», у другого с помощью слов о «фарисейской морали», которая охватила все уровни жизни и культуры.

В этом плане Федоров, как это ни парадоксально, антитрадиционалист и нигилист, поскольку его нигилизм не поверхностный, а сущностный. И это роднит его с еще одним антиподом-почитателем – Л. Толстым, который также выразил это неприятие существующего лживого, лицемерного, в терминах Федорова, фарисейского образа жизни. Христианство превращается исключительно в странный и непонятный обряд, далекий от жизни и запросов современного человека (можно вспомнить хотя бы мысли и чувства Левина, когда он вынужден был перед свадьбой исповедоваться и причащаться).

Федоров сорвал табу со смерти и прикоснулся к смертельной незаживающей ране. Причем сделал это с невиданным размахом. Но разве медицина не борется со смертью, борясь с болезнями и отодвигая как можно дальше старость? А политика не стремится разрешать мирным путем военные конфликты? А экономика не пытается воплотить принципы социальной справедливости? А юриспруденция разве не борется с преступностью? Религия, в конце концов, разве не побеждает смерть? И разве уже Христос не победил «последнего врага», смертью смерть поправ?

Все это так, но, увы, несмотря на все эти усилия человеческие и сверхчеловеческие, ни количество зла не уменьшается, ни чувство бессмысленности не проходит. По-прежнему люди рождаются, живут и умирают. По-прежнему воюют народы и племена замышляю тщетное, и по-прежнему суета сует и томление духа царит над скучной и грешной землей. И, пожалуй, глубоко прав Константин Бальмонт, честно сказав:

Я устал приближаться от вопросов к вопросам,
Я жалею, что жил на Земле.

Какой отчаянный вопль тоски и безысходности! Поэт сожалеет не только, что умрет, но вообще, что жил. Жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой. Такова цена жизни в ее действительном состоянии неродственности, то есть в состоянии неистребимой вражды, ненависти и злобы.

Русский философ Лев Шестов назвал Федорова «святым» за то, что «он ценил то, чего люди не ценят, и думал о том, о чем люди никогда не думают» [4, с. 715]. Это касается первой части его учения, которое исходит из неприятия существующего, из нравственного негодования и протеста, из чувства какой-то особой уязвленности смертью.

Шестов приводит такую запись, сделанную самим Федоровым, которая может что-то прояснить в его мирочувствии: «От детских лет сохранилась у меня три воспоминания: видел я черный-пречерный хлеб, которым (говорили при мне) питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал я с детства объяснение войны (на мой вопрос о ней), которое привело меня в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга; наконец, узнал я о том, что есть и не родные, чужие, и о том, что самые родные – не родные, а чужие» [4, с. 715].

О чем же заветная мысль Федорова? О чем люди никогда не думают?

О смерти, смысле жизни, о добре и зле. Конечно, они об этом думают, но только не в том русле и не так, как мыслил об этих вещах Федоров. Думая о смерти, люди, как правило думают о том, как бы им подольше, да получше пожить, не заболеть и не умереть раньше времени. Смысл жизни для них сводится к тому, как комфортнее и успешнее пристроиться в жизни, найти теплое местечко, и в достатке и довольстве прожить свою жизнь. А добро и зло сводится как правило к пользе и вреду, которые могут причинить те или иные вещи человеку.

Поэтому они так полагаются на медицину, на правильное питание, здоровый образ жизни и т.д. А сегодня это превратилось уже в неумное желание физического бессмертия. И если раньше за какие-то блага душу дьяволу продавали, то теперь готовы отдать на бесконечные модификации тело, лишь бы оно было здорово и никогда не умирало. Современный писатель А. Бычков очень хорошо, конечно, не без едкой иронии, но и не без горечи, описал этот «иммортологический невроз» со-

временности: «Как хорошо ходить на костылях, перемалывать силиконовый обед пластмассовыми челюстями и вставлять искусственной жене искусственный член. Крохотный приборчик впрыскивает эндорфины и по прорезиненным мышцам разливается электрическая истома. Я счастлив, я все знаю о любви, мне триста семьдесят пять лет, и я еще в самом соку. На меня заглядываются искусственные девочки, которым по двести семьдесят. Нет нет! Я не педофил! Мой пра-пра и так далее дедушка был комсоргом, у него был свой идеал. В конце концов, он хотел лучшего будущего. И я за него его получил. Его заботами. Да здравствует вековая мечта человечества – долголетие! Думать больше не надо – просто долго, бесконечно долго жить. Бессмертие не потребует мысли. Не надо будет и спать. Поглощать пищу и имитировать половой акт, разве что – как ходить в церковь, из уважения к предкам. В конце концов, – признаюсь! – я всего лишь программа» [5, с. 189].

И дальше очень важные слова: «Криогеньтесь, ребята, пока не поздно. Замораживайтесь сразу до минус ста сорока (хотя это выйдет немного дороже). Какой еще, блин, Федоров? Чего, воскресение из мертвых? Да здравствует замораживание и размораживание живых! Даешь очиповление! Да вы все всего лишь симуляция нашего дискурса» [5, с. 190].

А жизнь с ее нескончаемыми бедами, с ее неустранимом злом, войнами, преступлениями, чудовищной несправедливостью и рознью, дичайшим разделением на богатых и бедных, и всепожирающей смертью как была, так и остается. И как будто все в порядке, и все идет своим чередом.

Куда идет? Зачем? Вот об этих вопросах как раз и не задумываются никогда люди. А Федоров задумался и нашел общую причину всех бед рода человеческого. Это смертность и смерть. И вся его сердечная мысль была направлена на борьбу со смертью; не на теоретическое размышление, а именно на возможность практического преодоления смерти. Можно сказать, что это утопия, но это боль, нравственная боль, которую он чувствует чрезмерно, компенсируя своими идеями нечувствительность и равнодушие современников и потомков.

И в этом истинный смысл его «интегральной танатологии» и нравственной философии, в основе которой боль и сострадание. Здесь не только Федоров, но и другие представители русской культуры, в том числе и Достоевский, и Белинский, и Бердяев и др. Об этом хорошо говорит Р. Гальцева, называя их «мучениками теодицеи», которые принадлежат к «правдоискательской традиции русских писателей». Она пишет: «Эта традиция непокорных страдальцев-правдоискателей находит себя в позитивных формах у Н.Ф. Федорова, в его неслыханной утопии “Общего дела”, а

также в проектах головокружительных космических преобразований у Циолковского, воодушевляемых “состраданием к атому”» [6, с. 55].

Объясняя мотив постановки в один ряд Федорова и Белинского, исследователь ссылается на знаменитое антигегелевское письмо последнего к Боткину от 1 марта 1841 года, в котором выражена та боль за отдельного человека, которая у Гегеля исчезает в общем, объективном, безличном. Поход против Гегеля осуществляется одновременно и на Западе в лице Шопенгауэра и Кьеркегора, и в России, в лице многих представителей, в том числе Федорова и Белинского. Гальцева отмечает, что упоминание в одном ряду Белинского и Федорова имеет цель «указать на одну общую их мироощущению болевую точку, их обостренную чувствительность к проблеме личной участи» [6, с. 71].

Еще одно невероятное сближение: Федоров и Белинский. И это справедливо и неслучайно. Неистов не только Белинский, гораздо более неистов Федоров, предложивший раз и навсегда разорвать этот круг человеческого проклятья. Он как бы воскликнул: «Доколе!». Доколе будет длиться неправда!? Доколе брат будет убивать брата, а сын отца? И убивать, и предавать, что есть такое же убийство. Ибо по Федорову главная нравственная обязанность, долг человеческий – это воскрешение умерших. И если этого не происходит, то это и есть самое гнусное предательство, на фоне которого никакие человеческие достижения ничего не стоят.

Федоров возвращает нас всегда немного обезумевших от жажды жизни и ее нескончаемой гонки в исходную точку, в самую сердцевину нашего нравственного, то есть подлинно человеческого бытия. Дело ведь в конечном счете не в том, как действительно воскресить предков, а в том, чтобы остаться людьми. Федоров учит именно этому. А критиковать Федорова за ересь или утопизм – значит совершенно не понимать, что такое нравственность, и какую роль играет это начало в человеческой жизни.

Список литературы

1. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 2017. 576 с.
2. Янкелевич В. Смерть. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 1999. 447 с.
3. Мечников И.И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1988. 328 с.
4. Шестов Л. Н.Ф. Федоров // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая. СПб.: РХГИ, 2004. С. 714-716.
5. Бычков А. Транс-идиотизм // Русская философия в России и мире: коллективная монография. М.: Объединенное движение «Русская философия», 2019. 196 с.
6. Гальцева Р.Г. Утопическое в русской философской мысли XX века // Знаки эпохи. Философская полемика. М.: Летний сад, 2008. С. 9-118.